героических сказаниях, имеющих тесную связь с «Калевипоэгом». Он дает ряд нужных сведений о жизни и творчестве Фр. Крейцвальда (о характере его работы над эпосом); об истории публикаций «Калевипоэга»; о важной роли последнего в развитии «передовых демократических черт в эстонском общественном движении» XIX—XX вв.

С большой добросовестностью и очень обстоятельно сделаны доцентом Тартуского университета Э. Лаугасте «Заметки, прозаический пересказ, пояснения» (помещенные в конце книги). В них сообщены важнейшие данные о литературе, посвященной «Калевипоэгу», ряд этнографических сведений.

Издание «Сына Калева» с сопровождением, стоящим на необходимом научном уровне, ценно и нужно.

Н. Рождественская

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Hermann Leicht, *Indianische Kunst und Kultur. Ein Jahrtausend im Reiche der Chimu,* Zürich, 1944, 352 стр. 152 рис. 3 карты.

Хотя рецензируемая книга и носит достаточно широкое название «Индейское искусство и культура», но в действительности тема ее, как видно из подзаголовка, имеет значительно более узкий характер: обзор культуры и искусства народа Мочика́ (более распространенное название — Чиму́ на самом деле является древним титулом правителя и названием страны, как в позднейшем Перу — инка).

За последние десятилетия археологическими раскопками на тихоокеанском побережье Перу выявлено большое число исторических памятников. Эти памятники объединяются специалистами в различные комплексы, обычно называемые по той местности, где они были найдены. Отсюда в научной литературе появляется много названий для той или иной группы памятников, как «культура Вир. », «культура Чавин», «культура Чикама́» и др. Автор книги справедливо указывает, что в действительности подавляющее большинство этих памятников принадлежит культуре одного народа — Мочика́, а различия их объясняются лишь происхождением из разных исторических периодов или местными стилевыми особенностями. Поэтому, по мысли автора, следует для упрощения терминологии говорить не о различных «локальных культурах», а о единой культуре Мочика́ и об истории развития стилей.

Группа племен Мочика́ населяла низменную часть побережья Перу от 3 до 11° южной широты, протяжением приблизительно в 1 000 км вдоль берега. Расстояние от Тихого океана до гористой части страны — 50—150 км. Последние археологические исследования показали, что история этой части побережья может быть разделена (базируясь в основном на данных керамики) на четыре основных периода: архаический (приблизительно II в. до н. э.— V в. н. э.), древний период (V — VIII вв. н. э.), затем третий период, когда Чиму́, очевидно, попало под власть расцветшего в эту эпоху Тиуанаку (однотипность керамики, стиля скульптуры и т. д.), и четвертый — поздний (X — XIV вв.), заканчивающийся победой десятого инки Тупак — Юпанки над последним правителем Чиму́ и присоединением этой области к государству инков.

Книга Лейхта посвящена обзору культуры и искусства Мочика́ в течение древнего и позднего периодов.

Средний период (находящийся под влиянием Тиуанаку) почти не затрагивается автором, так как распространение культуры Тиуанаку в Перу составляет тему другой, подготовляемой Лейхтом работы. Книга состоит из 15 глав, по содержанию делится на три небольшие части. Первая, вводная (гл. 1 — V) дает краткие сведения о происхождении и языке Мочика́, их экономике, социальном строе и религии. Вторая (гл. VI — VII) посвящена общей характеристике искусства Чиму́. Третья (гл. VIII — XIII) дает обзор памятников искусства по местностям и выявление в них локальных стилей. Две последние главы (XIV — XV) являются обзором археологических памятников двух граничащих с Чиму́ на юге областей: Пачакамака и Наска.

При ознакомлении с книгой сразу же чувствуется неравноценность различных ее частей. Если в главах, посвященных искусству, мы находим ряд интересных характеристик того или иного стиля в керамике и др., то в первой, вводной части не только не имеется каких-либо новых и интересных данных (а раскопки последних лет дают богатый материал по многим темам, затронутым автором в этой части), но вообще вся эта часть написана крайне небрежно и показывает эклектическую позицию автора в ряде наиболее важных вопросов.

Критикуя совершенно ненаучные теории, подобные гипотезе Вернера Вольфа о происхождении майя от финикийских переселенцев в Америке, автор придерживается беринговоморской теории, но в то же время «доказывает» ее достаточно «оригинальным» способом: путем сравнения слов из языка Мочика́ с языками Старого света. Чтобы показать «научность» его метода, достаточно нескольких примеров: слово «сапп» (Мочика́), обозначающее рот, он ставит в связь с немецким словом «Зуппе»

(суп), «калл» (Мочика́) — смеяться — с англ. «колл» (звать), «инга» (мать, Мочика́) — с древнегреч. «гюнэ» и т. д. Стремясь блеснуть эрудицией, автор приводит даже русское слово «перо», сопоставляя со словом «пер» (Мочика́, перо), что «прямо указывает на монгольские связи». Эти «доказательства» автор заключает примером из языка Кечуа: словом «лама» обозначается животное, живущее в горах наверху, но в Тибете Далай-Лама — это «живущий наверху».

Подобной болтовней, не имеющей отношения не только к науке, но и к здравому рассудку, автор «подкрепляет» и «обосновывает» берингоморскую теорию. Теория автора о происхождении Мочика́ из Центральной Америки, обосновываемая им на материале одного индейского предания, не может быть предметом научного обсуждения, так как автор не приводит никаких данных археологии, а они и должны были явиться в этом случае решающим критерием.

Отмечая наличие культа луны в религиозных представлениях Мочика́ и правильно истолковывая ряд изображений на сосудах, как связанных с этим культом, Лейхт, однако, не удовлетворяется территорией Чиму́ и распространяет эти представления на всю Центральную Америку. В результате рисунок на известной майяской вазе из Ратинлишуля (Гватемала), изображающей путешествие на носилках военного вождя майя, трактуется им как «изображение лунного божества», причем основным доводом для этого является изображение собаки под носилками (!) Другие доводы почерпнутые из языка Майя, изложены им с той же убедительностью, что и языковые «эксперименты», упомянутые выше.

Глава V, посвященная социально-экономическому строю Чиму́, совершенно не удовлетворительна. Лейхт то изображает Чиму́ как доклассовое общество, стоящее на очень низкой ступени развития, то говорит о нем как о «восточной деспотии» типа Древнего Египта. Определенного взгляда на общество Мочика́, основанного на строгом анализе фактов, у автора не имеется.

В описании социального строя и экономики Лейхт делает принципиальную ошибку: в то время, как книга его посвящена доинкскому Чиму́, он, используя материал испанских хронистов, анализирует данные по Чиму́ инкской эпохи. А между тем несомненно, что инкское завоевание внесло ряд существенных изменений: известно, что инки не останавливались перед переселением целых племен. Археологическим материалом (вазовая живопись, погребения и др.), позволяющим сделать ряд серьезных выводов (об экономическом расслоении, например), автор совершенно пренебрегает.

Значение книги Лейхта ничтожно. Единственно интересное, что она может дать,— это характеристика местных стилей в керамике, изложенная во второй части. Вступительная часть совершенно антинаучна. К тому же в целом ряде моментов книга успела уже устареть, так как раскопки под руководством Стронга в долине Виру, происходившие уже после выпуска книги, дали богатый археологический материал, существенно увеличивший и изменивший наши знания по истории, искусству и культуре Чиму́.

Р. Кинжалов